

Глаза мальчишки нестерпимо жгло, но слезы так и не потекли. В груди теснилась горькая обида. Никогда прежде — даже когда его предавали и использовали — ему не было так больно.

«Пусть все закончится здесь. Если в этом мире от меня хотят лишь выгоды, если каждый видит во мне только средство для достижения цели... Лучше умереть. Погибнуть от лап призрачного зверя, но не позволить никому сделать себя сосудом для парного совершенствования».

Е Хуай лежал без движения. В янтарно-золотых глазах медленно угасала последняя искра жизни.

Но стоило свету почти потухнуть, как висевший на шее замок долголетия — подарок Цзян Ту — внезапно нагрелся, а затем и вовсе стал нестерпимо горячим.

— Е Хуай, — голос Цзян Ту, точно ушат ледяной воды, привел его в чувство, — подними меч.

От удушья мысли путались, а сознание плыло, словно в тумане. Повинуясь этой холодной, властной команде — а быть может, просто подчиняясь слепому инстинкту ухватиться за что-то перед смертью, — Е Хуай судорожно повел пальцами по земле.

Он коснулся чего-то невообразимо холодного — этот холод пробирал сильнее, чем тысячелетний лед.

Умиравший мальчишка резко вздрогнул. Сознание мгновенно прояснилось.

Меч... Меч!

Тот самый костяной меч, который Цзян Ту бросил к его ногам!

Жажда жизни вспыхнула в нем с новой силой. Разум еще не успел осознать происходящее, а тело уже действовало само. Сжав пальцы на рукояти костяного меча, Е Хуай собрал остатки сил и, даже не разбирая направления, наотмашь рубанул вперед.

Острие вонзилось точно в шею Будды Тысячи Лепестков Лотоса.

Тварь взвыла. Зажав рану ладонями, Будда Тысячи Лепестков Лотоса забился в конвульсиях, исторгая клубы густой черной скверны.

Воспользовавшись заминкой, Е Хуай выскользнул из-под чудовища и, тяжело рухнув на колени в стороне, судорожно глотал воздух.

Он еще не успел осознать, что выжил, как вновь раздался голос Цзян Ту:

— Сзади.

Е Хуай среагировал мгновенно: прижав меч к груди, он покатился в сторону. В ту же секунду когтистые лапы Будды с глухим стуком вонзились в землю прямо там, где он только что лежал, оставив пять глубоких борозд.

Опоздай он хоть на мгновение, его плечо превратилось бы в кровавое месиво.

Е Хуай тяжело дышал, с кончика его носа сорвалась капля холодного пота.

Промахнувшись, призрачный зверь пришел в ярость:

— Смеешь... противиться мне?! Ублюдок, я разорву тебя на куски!

Наученный горьким опытом, монстр не спешил нападать снова. Е Хуай почувствовал на себе его злобный, но полный опасения взгляд, направленный на оружие в руках мальчишки.

Юноша посмотрел на меч. Тот очертаниями напоминал человеческий хребет: молочно-белая кость, внутри которой пульсировали багровые всполохи. Оружие, способное одним ударом заставить содрогнуться столь могущественную тварь, явно не было обычной сталью.

Цзян Ту отдал ему этот меч в самом начале. Как бы ни было трудно это признать, но он до сих пор держался лишь благодаря этому оружию и своевременным подсказкам мужчины.

«Если Цзян Ту хотел избавиться от меня руками этого чудовища, зачем тогда дал мне меч?»

«Зачем спасал жизнь раз за разом?»

«Бывают ли на свете столь противоречивые люди?»

Пальцы Е Хуая, сжимавшие рукоять, заметно дрожали. Он заставил себя отбросить лишние мысли и сосредоточиться на смертоносном противнике.

Он не хотел умирать. Пока оставался хоть малейший шанс, нужно бороться за жизнь.

Сглотнув подступившую к горлу кровь, Е Хуай уперся острием в землю и медленно поднялся. На отполированной костяной поверхности отразилось лицо юноши — испачканное грязью и кровью, но исполненное непоколебимой решимости.

Едва он занял стойку, как Будда Тысячи Лепестков Лотоса рванулся вперед, целясь прямо в лицо.

Первым порывом Е Хуая было бежать. Однако призрачный зверь двигался слишком быстро. Поняв, что отступить не удастся, юноша вскинул меч для блока.

Уродливая личина монстра стремительно приближалась. От страха Е Хуай невольно подался назад, теряя устойчивость, но в это мгновение вновь раздался холодный голос Цзян Ту:

— Держи упор. Не расслабляй поясницу.

Е Хуай мгновенно перенаправил дыхание, широко расставил ноги и перенес центр тяжести вниз, намертво вставая в землю.

Раздался оглушительный грохот.

Любое промедление стоило бы ему жизни, но он успел принять удар. Воздушная волна от столкновения двух сил едва не ослепила его, подняв тучи пыли.

Они замерли в смертельном противостоянии. Чудовище обладало нечеловеческой силой. Спустя всего несколько мгновений руки Е Хуая онемели от напряжения, а костяной меч мелко и яростно задрожал.

Он понимал, что долго не продержится.

Если раньше он подчинялся указаниям Цзян Ту машинально, словно выдрессированный пес, чье тело опережает разум, то теперь он всем сердцем желал услышать этот направляющий голос.

Словно прочитав его мысли, Цзян Ту не заставил себя ждать:

— Убирай меч.

«Убрать меч? Сейчас?!»

Е Хуай посмотрел на когтистую лапу призрачного зверя, замершую в паре вершков от его груди. Вспышка озарения — и он понял замысел мужчины.

Юноша резко ослабил хватку. Лишившись опоры, Будда Тысячи Лепестков Лотоса по инерции повалился вперед. Пользуясь моментом, Е Хуай скользнул по земле прямо под его лапами, уходя из-под удара.

Ловушка захлопнулась впустую. Оказавшись за спиной у чудовища, Е Хуай не стал искушать судьбу и стремительно разорвал дистанцию.

На этот раз зверь тоже не пошел напролом. Он переводил взгляд с Е Хуая на молчаливого Цзян Ту, а затем снова на мальчишку. Взвесив силы, монстр решил сначала покончить с легкой добычей.

Его шесть конечностей внезапно удлинились, изгибаясь подобно костяным плетям. Сама туша осталась на месте, но руки рванулись вперед, стремясь захватить юношу в смертельное кольцо.

Удар был расчетливым и подлым, перекрывающим любые пути к отступлению. Тварь твердо вознамерилась раздавить настырного мальчишку раз и навсегда.

Однако вся жизнь Е Хуая состояла из побегов и преследований. Он бывал в куда более безнадежных капканах. Видя, что пути назад отрезаны, он не поддался панике. Впервые в его разуме отчетливо, словно набат, прозвучала безумная мысль:

«Атакуй».

Его золотистые глаза прищурились, дыхание замерло. В следующее мгновение силуэт юноши буквально растворился в воздухе.

Наблюдавший за схваткой Цзян Ту едва заметно приподнял брови от удивления.

«Техника скрытности...»

Это было высокоуровневое искусство, требующее не только огромного таланта, но и глубокого понимания законов духовной энергии. А этот мальчишка, даже не начав толком практиковать заклинательство, сумел пробудить его интуитивно.

Дитя судьбы. Истинный гений.

Потеряв цель, Будда Тысячи Лепестков Лотоса принялся вслепую крушить все вокруг своими шестью лапами. Однако Е Хуай двигался на удивление точно, словно наперед предугадывая траекторию каждого удара. Он лавировал между смертоносными когтями и стремительно сокращал дистанцию.

Шаг, выпад — и острое костяного меча устремилось вперед.

Раньше ему никогда не доводилось держать в руках настоящее оружие — не потому, что не хотелось, просто у бродячего сироты не могло быть такой роскоши.

Но с первой же секунды, как его пальцы сомкнулись на рукояти, в самой глубине его души пустило корни неведомое ранее чувство. Страх отступил, уступив место лихорадочному, пьянящему восторгу.

Он слышал свист рассекаемого воздуха — чистый и звонкий, точно рокот горного водопада, переходящий в глухой гул просыпающейся земли.

Казалось, он рожден был для того, чтобы держать меч.

Стремительный выпад пришелся точно в правое плечо призрачного зверя. В момент удара костяной меч полыхнул ослепительным золотым светом, с силой отбросив монстра назад.

Глаза Е Хуая ярко блеснули. Его ладонь все еще дрожала, но теперь уже не от слабости, а от сжигающего изнутри азарта.

Он и сам не верил, что сможет достать противника, а уж о такой разрушительной мощи удара не смел и мечтать.

Глядя на поверженное чудовище, Е Хуай крепче перехватил рукоять. Унимая бешено колотящееся сердце, он медленно поднял взгляд на Цзян Ту.

Если раньше странные действия мужчины вызывали лишь смутные сомнения, то теперь, после нескольких удачных приемов, до юноши наконец дошло: Цзян Ту вел его. Направлял.

Так грозный хищник толкает своего неоперившегося птенца с отвесной скалы, заставляя того расправить крылья перед лицом неминуемой гибели.

Если птенец струсит перед бездной — его ждет смерть на острых камнях.

Но если сумеет взлететь... он обретет свободу.

<http://bllate.org/book/19047/1922512>